мне
капюшон
ему берет
ВОВА
ФЕТТ

Annotation

Мир, разрушенный парадоксом, поделен между Беретами и Капюшонами, людьми жаждущими войны, и людьми жаждущими мира. Парадокс, названный Вопросом, сделал фантазии людей реальностью. Простой парень Коль, потерявший из-за парадокса разум, охраняет Лану, которая ищет место, с которого все началось. Она — последняя надежда Капюшонов...

- [Глава 1]

Мне капюшон, ему берет

Глава 1

> Эй, священник, перед тем, как я зайдуЯ ж не первый, что ты там сказал ему?Вряд ли скажешь то же мнеМне — капюшон, ему — беретЗачем отправил нас по разным с братом ты дорогам?Loqiemean — Роспел

Матушка говорила, что фантазия-то у меня раньше бурная была, текла как речка горная, да все с собой уносила. И я все вкладывал в кисть, вся эта бурная вода в руку лилась.

Теперь же, когда Вопрос случился, никакой фантазии в голове моей не осталось, иногда разве только как свет в окне отчей избушки, моргают словечки, до которых нынче у меня никакого понимания нет.

Вот и стою я, смотрю на остатки церквы и вроде все в ней есть — вот и купол, и стены, и ворота, а все видно, что разрушена, и какова она была до — не могу придумать. Ни цвет никакой на ум не идет, ни звона, ни пения духовного почуять не могу.

С такими мозгами и остается, что ходить с обрывателем на поясе, да смотреть, чтобы Лану нашу, словом и умом красавицу, никто не смел ни похитить, ни поранить, ни другим каким способом изничтожить.

Почетно было быть рядом с нею, да когда говорят, что вот смотрите, Коль из Капюшонов идет, тоже приятно, конечно. Доктор сказал, что Вопрос меня в лоб тюкнул, как и многих, вот и мыкаюсь. Де-гра-дация нейронов, сказал.

Поставили меня к Лане, что и гордость, но и страх. Как в болото ступают мои мысли, когда ее вижу, да до рта дойти никак не поспеют. А когда поспеют, так поздно уже и смеются все.

Отворяю дверь церквы — тяжело идет, трудно, но скрипит величаво, как и подобает. Сколько уже таких дверей отворял, сколько храмов мы не прошли, а все одно замечаю — разный голос у ворот-то. Какая церква плачет, а какая и насмехается.

Лана стоит внутри, почти по центру и кутает ее желтоцветный свет из витражей, которые знамо как уцелели в этой разрухе.

Я как зашел, так и стал вкопанный, только створа позади меня тяжело ухнула. Лана, углубленная в океан мыслей, который и у меня в черепухе когда-то плескался, никакого внимания на звук не обратила.

И вот оно пошло-пошло, не океан, но родничок — смотрю на нее и думаю, на кого же она похожа. Будто женщина целованная, золотая, только если бы ее нарисовал сам воздух. Целовать ее должен кто-то обязательно, но не я, конечно, куда мне.

Главное, подумал я, подойти и не ляпнуть чего-нибудь из своих этих мыслей. Надо только подойти. Вот сейчас — подниму ногу и р-р-раз сделаю шаг. Потом второй.

Ноги в форменных ботинках не двигались. В голову пришла мысль, что, наверное, на полу нарисована линия из соли, а я — нечисть, которая через нее не может переступить. Вот только на пол никак не посмотреть, взгляд остеклянился и намертво прилип к залитой светом фигуре. Светоч. Так все про нее и говорят — светоч наш.

Там, снаружи, я с легкостью ловлю светоболотников, почти даже не обжигая пальцы, уговариваю Гостей уйти, не взяв в качестве подарка ни одного нашего органа и нахожу выход из любой дубрессивной рощи, где сердце потихоньку отмирает наполняясь тоской всего мира. А тут не могу шага ступить.

Никакое безобразное чудище так не страшно, как самое красивое на свете человеческое существо по имени Лана.

Позови меня, вдруг подумал я. Как ведьма. Стоит тебе слова сказать, как я отомру. И она повернулась и позвала.

— Не слышала как ты зашел. Смотри, что я нашла. Только не заходи в центр ни в коем случае.

Вот уже много лет Лана была той из Капюшонов, что искала ту самую церкву, где был задан Вопрос. В этих поисках постоянно ее приходилось оберегать от Беретов и орудовать трофейным обрывателем. Вообще никому из Капюшонов и в голову не придет взять в руки эту штуку, это все злое, беретово. Но защита всякому нужна, потому и есть такие как мы. Вроде как и в Капюшоне, а значит, как и писано, никакого насилия не приемлем и всякое завершение чужой жизни осуждаем, но при этом нет-нет, да какой-то Берет ляжет из-за нас.

Так не должно было быть. Как писано — капюшон надел тот, что не согласился и скрылся до времени. Кто за морем, а кто и тут, но как бы ушел в себя. Будто забыл до времени все свои чаяния и эмоции. Как я свою фантазию.

Но на Вопрос следовало получить Ответ, потому появилась Лана. Ее следовало защищать. И обрыватель был доверен мне и я взял его в руки свои.

Найдем церкву правильную — послушаем Ответ и все закончится, говорила Лана мне, будто ребенку, когда мы на привалах кушали зажаренных мною светоболотников. Тут меня учить не надобно, но разве ее перебьешь. Вопрос известен, учение всегда со мной — “Зачем отправил нас по разным с братом Ты дорогам?”

Так вот Капюшоны и Береты образовались. Пришел кто-то к Богу в церкву и спросил — вот есть я и брат. Но брату ты рассказал, как хорошо на войне праведной и священной, а мне — как не нужна никакая война. И случилось Слово Божье и все теперь узнали, что Бог есть, а мир совсем поменялся, а с миром и я — не рисовал, не воображал, а только дай себе сидел, да терял мысль за мыслью, пока все они не кончились.

Доктор говорил, что мои мысли все в мир утекли. Как и у многих. Откуда, говорит, думаешь ты, взялись светоболотники и прочая чудь? Из твоей головы прямо. Бог не мог взятся ниоткуда, кроме как из голов человеческих, но вместе с ним в этих головах чего только не было, вот и страдаем теперь. Я всей этой его зауми не понимал, да и не надо было мне.

Иду к Лане да снова замираю, но причина уже иная, это я уже наученный. Опасность чую. Черненькая точка — если специально не смотреть, то и не обратишь внимания. Вокруг точки все как-то кривилось, тянулось, да так что видно, что за спиною моей.

— А, увидел. Смотри, — Лана подобрала с пола отбитый кусочек мрамора и бросила внутрь. Камешек летел изначально вроде как рядом, а потом раз — и утонул в кривости, да в самую эту черную точку. И все. Когда камешки падают, от них обязательно звук. А тут тишина.

Я, кажется, уже падал в эту точку и все вокруг кривилось еще сильнее и вот я уже затылок собственный наблюдаю.

— Это называется сингулярность, — сказал Лана, как будто я так и понял ее. — Мы нашли ее! Такое могло появится только в одном месте…

Она посмотрела на меня — в глаза прямо! — и глаза ее лучились — восторгом, счастьем, любовью. Не ко мне, конечно, я тут кто, а ко всему этому большому миру, который так любить умела только она.

— Десять лет назад здесь был задан Вопрос, — пояснила Лана и голос ее был ласков и мягок. — Но мы не получили Ответ. Сегодня все изменится.

Утром я укладывал светоболотника в тень почернее, чтобы он хорошенько прожарился, а сейчас все-все закончится? И что же это, Вопрос обратно себя заберет, и я снова возьму кисть в руку?

Тут я вижу в кривости и растянутости движение. Верчусь и вот он — Берет. Обрыватель в руке и уже ничего не сделать — железка грохочет, плюется.

Лана вдруг сломалась, вся осела, так и не поцелованная никем правильным и светоч ее сразу как-то притомился, пригас.

Я уже по научению двигался куда-то и мой обрыватель тоже изрыгал металл, да пули все не долетали, точка их закручивала и отправляла не туда. Время притормозило, затикало медленно, будто кто стрелки придержал. Знакомое чувство, которое доктор называл болью, но я никак не мог уразуметь, почему это вдруг боль, уж ее-то я знаю. Но он сказал, что так видится другая боль, внутренняя. Лана, понял я. Мне больно, потому что Лана. лежит и больше уже не подымется

И не получит никто Ответ, и буду я жить пустой, пока не кончусь. Потому что если уж кто и придумал бы, как это тут все делается, так это Лана.

Обойма Берета сталась пустой, он откинул железку, бросился, да я следом, потому что и моему обрывателю тоже уже нечего было сказать смертоносного.

Мы встретились с ним в самом центре, прямо над Ланой. Наши указательные пальцы тянулись друг к другу, потому что хоть мы и враги, но научены одинаково. И у меня и у него на конце ногтя — смерть. Дабы врага, или, уж если так вышло, себя навсегда прекратить. Ней-ро-па-ра-ли-ти-чес-ко-е, говорил доктор. Последнее средство.

За мгновение до соприкосновения наших перст черная точка вдруг набухла, стала большим шарообразным ничем и заглотила нас.

И ни стало ни Берета, ни Ланы. Я сам стал точкой где-то в пустоте, без тела, органов чувств, только с тем голым и чистым собой, который в голове.

— Ты хотел Ответ, вот тебе он. Между Капюшонами и Беретами нет никакой разницы. Путь твоего обреченного брата длиннее чем твой, но финиш одинаков. Ему даден берет, чтобы через ад пройти и понять. Тебе капюшон выдан, чтобы до времени таиться, потому что ты и так уже понял. Но предстоит тебе дело сложное, ибо твой путь во сто крат труднее. Твоя задача себя и человека в себе сохранить и в правильный момент капюшон отринуть и вновь расправить плечи и голову. И, что трудно, ты обратно должен будешь полюбить брата, даже зная, что он убийца и суть война. Дождаться, принять и увидеть понимание в глазах его.

Пустота кончилась. Я стою на коленях и пихаю светоболотник в тень от расколотого колокола. Колотится рядом Лана в церковные ворота, будто к Богу в гости. Светоболотник мягко светится из тьмы и тихонько шипит.

Я знаю, что черной точки внутри уже не будет.